

Вважаємо, що принцип комплементарності не вводить Міжнародний кримінальний суд як окрему ланку судової системи чи додаткову інстанцію судової системи певної держави (наприклад, України), а є принципом функціонування МКС, що складає основу юрисдикційного режиму останнього. І формулювання вказаного принципу в абзаці десятому преамбули та статті 1 Статуту не передбачає включення Суду до системи національних органів кримінальної юстиції (на що вказує відсутність терміну «система національних органів кримінальної юстиції»). Римським статутом МКС не передбачена передача суверенітету держави у сфері здійснення судочинства у кримінальних справах (кримінального провадження), а основною ідеєю принципу комплементарності є підтримання державного суверенітету, оскільки «... обов'язком кожної держави є здійснення її кримінальної юрисдикції над особами, відповідальними за вчинення міжнародних злочинів» (абзац сьомий Преамбули Статуту).

Таким чином, положення Римського статуту Міжнародного кримінального суду у частині, що стосується дії принципу комплементарності юрисдикції Міжнародного кримінального суду, відповідно, за яким «Міжнародний кримінальний суд... доповнює національні органи кримінальної юстиції» (абзац десятого преамбули та статті 1 Статуту) не суперечать Конституції України, зокрема, положенням Розділу VIII «Правосуддя». Необхідність конституційних змін в Україні у зв'язку з ратифікацією Римського статуту Міжнародного кримінального суду — відсутня, однак під час ратифікації Статуту має бути вирішено питання про системне доповнення (в окремих випадках — внесення змін) Кримінального, Кримінального процесуального кодексів України.

ЗЕЛИНСКАЯ Н. А.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
профессор кафедры международного права и международных отношений, доктор
юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВА ВЕРУЮЩИХ НА ПУБЛИЧНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СВОЕЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В светских государствах церковь отделена от государственной системы, но не исключена из общества, не является его изгоем. Свобода распространения своих убеждений принадлежит не только атеистам, но и верующим. То обстоятельство, что государство «отделено от церкви» не

исключает его обязанности защищать право на распространение убеждений не только атеистами, но и верующими людьми. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, и каждый имеет право на свободу слова — право выражать свои убеждения — как теистические, так и атеистические.

Международно-правовая интерпретация понятия свободы совести включает в себя не только *forum internum*, но и *forum externum*. *Forum externum* относится к публичным и открытым проявлениям религиозных убеждений. В противоположность праву иметь или принимать религию (*forum internum*) свобода проявлять свое вероисповедание или убеждения (*forum externum*) может подвергаться ограничениям. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что допускаются только такие ограничения, которые установлены или определены законом и необходимы в демократическом обществе для защиты, общественной безопасности, порядка здоровья, морали или основных прав и свобод других (Промежуточный доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений : Док. ООН А/63/161).

Право на защиту религиозной идентичности — одно из важнейших прав человека и народов, находящее свое проявление, в первую очередь, в праве на вероисповедание. Говоря о проблемах защиты права на вероисповедание, нельзя забывать, что искоренение религиозной идентичности народов на территории бывшего СССР осуществлялось с применением жесточайших репрессий: физическим истреблением людей — носителей многовекового религиозного мировоззрения — и «интеллектуальными» методами — антирелигиозной пропагандой, кощунством, осмеянием религии.

Один из авторитетнейших и непоколебимых борцов с тоталитаризмом XX столетия — Папа Римский Иоанн Павел II в книге «Память и идентичность», опубликованной незадолго до кончины и ставшей духовным завещанием понтифика, писал: «Народы Центральной и Восточной Европы, несмотря на все изменения, навязанные коммунистической диктатурой, сохранили свою идентичность, а отчасти даже способствовали ее укреплению (Иоанн Павел II. *Память и идентичность*. — Изд. Фрацисканцев, 2007). Вместе с тем стереотип понимания секуляризма в советско-большевистских традициях полного вытеснения религии из публичной сферы глубоко укоренился в восприятии принципа светскости государства. Некоторые юристы, вошедшие в науку «в свете ленинских идей», сознательно или подсознательно остаются верными этим идеям и, прежде всего, тоталитарному способу мышления, высокомерно и безапелляционно присваивая себе интеллектуальное и моральное превосходство перед людьми религиозными. К сожалению, иногда даже весьма известные научные работники считают свое мнение столь весомым, что требуют со стороны государства безоговорочной официальной поддержки своего материалистического

мировоззрения, забывая, что монополия любой идеологии является формой тоталитаризма и ведет к диктатуре. В науке юридической такая ограниченность особенно опасна, поскольку юридическая доктрина имеет непосредственное влияние на практику правоприменения, и позиция воинствующих секуляристов может принимать форму правового решения. Между тем их аргументация, в значительной мере, страдает примитивизмом. По-существу, выше уровня характеристики религии как «опиума для народа» и «мракобесия» аргументы постсоветских материалистов-атеистов не поднимаются: их новоявленный «научный атеизм», апеллирующий к либеральным ценностям, игнорирует авторитетное мнение многих видных представителей политического либерализма, заявляющих о возрастании роли и значимости религии в современном обществе.

«Прежде либеральное государство требовало лишь от верующих граждан раскалывать свою идентичность на публичную и частную составные части. Прежде чем их аргументы принимались во внимание для того, чтобы получить одобрение у большинства, верующие должны были переводить свои религиозные убеждения на секулярный язык <...>. Демократически просвещенный здравый смысл неединичен, он описывает ментальное строение многогласной публичности (Хабермас Ю. Вера и знание. // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2002. — С. 119). Эти слова выдающегося представителя современной либеральной политической философии, автора получившей широкое распространение концепции «постсекуляризма», опровергают мнение, согласно которому либерально-политическому мышлению имманентно присуща секулярность как полное отрицание значимости религии в современном обществе. Бывший некогда убежденным сторонником теории секуляризации известный социолог и философ П. Бергер в статье «The Desecularization of the World: A Global Overview» (1999), заключил: «Предположение о том, что мы живем в секуляризованном мире, ошибочно» (Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed.by Peter L. Berger. — Washington, D. C.: Wm. B. Eerdmans Publishing Wm. B. Eerdmans Publishing, 1999. — P. 3). Б. Трейнор, отмечая, что в настоящее время наблюдается весьма знаменательный отход от «старой» модели либерального общества, утверждает: «Главная задача постсекулярного либерального государства — стать объединяющим началом, пронизывающий все аспекты общественной жизни. Как и в случае «старого» секулярного либерального государства, «новое» постсекулярное либеральное государство продолжит сохранять нейтральное отношение к мировоззренческим вопросам, позволяя им сосуществовать без взаимного вмешательства, но оно также будет стремиться искать связующие их нити» (Трейнор Б. Теоретизируя на тему

постсекулярного общества // Б. Трейнор // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: научный информационно-аналитический, культурно-просветительный журнал. — 2012. — № 2. — С. 180). Примиитизированное представление о европейских либеральных ценностях как о ценностях сугубо секулярных, глубоко ошибочно.

Международные суды, оказавшись перед необходимостью интерпретации принципа секулярности и права на свободу вероисповедания, свободы совести и свободы слова в их переплетении и соперничестве, принимают решения, способные оказать существенное влияние на ход сложнейших социально-политических процессов. Принцип светскости государств, теории секуляризма и постсекуляризма, понятие свободы вероисповедания, религиозной идентичности индивида и народов — эти и многие иные философские и идеологические вопросы все чаще требуют не только научного осмысления, но и конкретных юридически значимых формулировок. Задача осложняется отсутствием согласованного понятия секуляризма (светскости, личности) — как правового, так и политико-философского. Можно ли осмыслить и описать эти амбивалентные феномены юридическим языком (как иронично заметил известный религиовед А. Кырлежев, «оставаясь исключительно в сфере международного права и в пространстве «птичьего языка» юриспруденции») (Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском суде — в постсекулярной перспективе // А. Кырлежев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — № 2. — 2013. — С. 235)?.

Анализ практики Европейского суда по правам человека иллюстрирует чрезвычайную сложность решения этой проблемы. Специалисты признают, что решения Европейского Суда «представляют собой средство, при помощи которого европейское сообщество обретает свои новые черты и задается вопросом о собственной идентичности и о роли религии в формировании этой идентичности» (Анниккино П. Между «пределами усмотрения» и нейтралитетом: дело «Лаутси» и новый баланс в сфере европейской защиты свободы вероисповедания // П. Анниккино // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — № 2. — 2013. — С. 261).